

Вадим Долгов

Руси есть веселие пить!

Одним из популярнейших «мифов о России», опровержением которого занимается в своих книгах В. Мединский, является так называемый «миф о пьянстве». Идея вроде бы даже правильная: прочитает горький пьяница, что во всем виноват Пётр не-Великий, «узнает», что «исконная»-то Русь не пила, да тоже бросит пить. Дай Бог, чтобы так было. Хотя верится с трудом.

Одна беда: в результате вместо одного глупого мифа конструируется другой — ещё более нелепый. Понятно желание государственного мужа «воспитать народ» в правильном духе, понятно желание интеллектуала «сформировать новую идентичность», но зачем строить это воспитание на заведомом вранье? Или на том, что американцы называют bullshit — правда не интересует Мединского — он и не утруждает себя её выяснением. И это очень досадно, поскольку в книгах Мединского много важного, много дельного, много правильного, но вот такие ляпы портят все дело!

Впрочем, может, вранье тут ни при чем, а есть лишь недостаток специальной подготовки. Это вещь для неспециалиста простибельная, но требующая коррекции. Тем более, что сусальный образ трезвеннической Руси используется теперь «сплошь и рядом» пропагандистами разных сортов. Особенно преуспел в этом

самозванный профессор Жданов, наводнивший своими видеолекциями Рунет. Лечил бы спокойно своих алкоголиков, дело благое, но зачем лезть без специальной подготовки в исторические темы — совершенно непонятно. Ведь маленькая неправда, если вскроется, может погубить всю систему. А не вскрыться она не может — грамотных историков в России не так мало, как кажется.

В одном, пожалуй, В. Мединский прав — на Руси пили не больше, чем в Западной Европе — за утверждение этого важного факта можно и должно сказать ему спасибо. Но вот в противоположную крайность впадать все-таки не стоит.

Что пишет Мединский?

В общем, автору можно даже посочувствовать: навести тень на плетень не так-то просто. Прежде всего, конечно, ему приходится дискредитировать летописную фразу, известную любому приличному школьнику: «Руси есть веселие пить — не можем без того быть!». «Профессору» Жданову проще — он объявляет все подобного рода высказывания результатом жидомасонского заговора — и всех-то делов.

Но Мединский-то профессор настоящий, поэтому действует тоньше, оперируя полуправдой.

Он пишет в последнем издании своей книги: *«Если мы ищем корни пьянства во времена Владимира Святого, как зафиксировали летописцы якобы его слова: «Веселие Руси есть питии, и нельзя без этого бытии», — то все, приехали — всеобщая алкоголизация населения и полное вырождение русского народа не за горами».*

Тут не может не возникнуть вопрос: с чего это вдруг? Без малого тысячу лет фраза эта жила на страницах множества древнерусских летописей — и ничего, страна уцелела. А тут вдруг во всем оказалась летопись виновата.

Ну да ладно, читаем дальше:

«Вообще весь рассказ о выборе веры Владимиром — настоящая художественная литература. Он носит легендарный характер — в этом не сомневается никто из историков. А судя по тому, что мы знаем о Древней Руси, эпизод с «пти-быти» — более поздняя вставка какого-то остряка предка» (выделено мной. — В.Д.).

Вот уж точно — «все, приехали». Как истолкует слова профессора малосведущий в исторических тонкостях читатель? Понятно, как: летопись — выдумка и шутка, верить ей не стоит (после бредовых откровений Носовского и Фоменко среднестатистический читатель такую утку вполне уже готов скушать). Тем более что она-де противоречит тому, что «мы знаем о Древней Руси». Интересно только, откуда «знаем» — в автопарке Госдумы уже есть машина времени?

Нелепица ужасная и стыдная для добросовестного автора.

На самом деле летопись — один из основных источников знаний о Древней Руси. Написана она в самом деле была на 150 лет позже описываемых событий (в конце XI — нач. XII в.), но это НЕхудожественная литература. Блестящим советским ученым академиком Д.С. Лихачевым было доказано, что одно из основных отличий древнерусской книжности — отсутствие сознательного вымысла. В раннем Средневековье к труду летописца относились как к священнодействию. Представлять летопись собранием выдумок и шуток — заведомое искажение реальности. Какие могли быть шутки, когда летописный текст повествует о важнейшей странице истории Руси — о выборе православной веры. Мог ли монах (а именно монах Киево-Печерского монастыря был автором «Повести временных лет», о которой идет речь), посвятивший всю жизнь служению Богу, устроить балаган, когда

речь шла о столь важных для него и для страны в целом вещах? Читатель, приученный современными журналистами-борзописцами к тому, что слово — легче перышка, вполне бы мог допустить такое. Но в те времена отношение к писаному слову было совсем иным. Вот это действительно известно любому маломальски грамотному историку, и об этом зачем-то умалчивает Мединский.

На самом деле, употребление спиртных напитков поставлено в текст далеко не случайно, ведь речь шла о том, чтобы проложить этнокультурную грань между Русью и мусульманским миром, который в это время весьма напористо распространял своё влияние в Восточной Европе.

«В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на неё красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть».

Читатель сам может судить: меткой фразой о питии Владимир положил предел притязаниям мусульманских проповедников, весьма заманчиво описывавших

преимущества своей религии. Так что ни шутками, ни забавными каламбурами тут и не пахнет.

Нужно сказать, что спиртные напитки изначально были частью языческих ритуалов. Это, однако, не означает, что употребляли их «умеренно». Пили досыта. Это хорошо видно в зафиксированной летописью истории о мести княгини Ольги за убийство её мужа — князя Игоря.

Виновики гибели — славянское племя древлян после свершения своего «чёрного дела» решили заслать в столичный Киев послов, чтобы просватать оставшуюся вдовицей княгиню. Судя по всему, по понятиям того времени, имущество, жена и прочие «активы» проигравшего должны достаться победителю (доказавшему победой свою «крутость»). Вот они и решили... Открыв тем самым перед Ольгой возможность весьма изощренной мести.

Месть была весьма изобретательна. По-хорошему, читатель должен был об этом узнать ещё в 5-м классе средней школы, поэтому пересказывать всего я не буду. Обратим внимание лишь на один элемент: притворно дав согласие выйти замуж за древлянского князя Мала, княгиня, однако, предупредила, что сначала желает насыпать курган над могилой убиенного супруга и справить тризну. Древлянам было велено подготовить все необходимое. «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своём муже», — приказала Ольга. Древляне же, услышав об этом, свезли множество мёда.

Можно возразить, что летописец, отделённый от описываемых событий более чем сотней лет, опять что-то такое «проалкогольное» навывдумывал. Однако и курганы и остатки княжеских/дружинных захоронений в них хорошо известны археологически — тут

все предельно ясно. А о том, что напитки эти были отнюдь не пепсикольной крепости, хорошо видно из дальнейшего повествования.

Итак, меды были свезены в большом количестве и делегация высоких киевских гостей тоже, наконец, прибыла. Началась тризна. В отличие от современных поминок тризна не была «формально-печальным» мероприятием. Назло духам смерти наши предки устраивали шумное веселье обильным угощением и, конечно, питием. Покойник должен был видеть, как чтут его оставшиеся на земле, а злые потусторонние силы, напротив, бежали от столь явственного проявления силы и молодецкой удали.

После того как княгиня оплакала мужа, сели древляне пить. Причём младшим дружинникам Ольги было приказано прислуживать древлянам (подливать им медов). И вот когда древляне опьянели, княгиня позволила своим воинам выпить разочек за их здоровье, после чего отошла в сторону и отдала жесткий приказ рубить древлян. Оставшиеся трезвыми дружинники Ольги, несмотря на то что отряд был небольшим, перебили по летописному счету 5000 древлян.

Такая вот вполне антиалкогольная история. И без всякой «лакировки действительности».

Случались конфузные истории и в более поздние времена. Так, в 1377 году пришло известие о том, что из Орды, от темника Мамая идет на Русь войско царевича Араб-Шаха, которого в русских летописях именуют Арапшой. Узнав об опасности, нижегородцы собрали войско и вышли на битву. Идут-идут, а Араб-Шаха все нет и нет. Пространства огромные, лето жаркое, навигаторы и слутники-шпионы ещё не изобретены... И вдруг нижегородское войско натывается на речку с замечательным названием: Пьяна! Войском командовал юный княжич Иван — сын

суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Опыта и авторитета у молодого полководца не было. И войско распоясалось — всей душой откликнулось на намек, который дало ему название реки.

Летопись гласит: *«Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мёд или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяны! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разгехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были».*

В самый разгар «вечеринки» пожаловал и Араб-Шах...

Кончилось все плохо. И в следующий раз войско возглавил уже другой князь.

Ещё одно примечательное алкогольное приключение случилось с самим московским великим князем Василием II Васильевичем Тёмным. Середина XV в., на Руси в разгаре феодальная война. А тут ещё с набегом пожаловал первый казанский хан Улу-Мухаммед. Положение, мягко говоря, довольно серьёзное. И вот Василий (тогда ещё вполне зрячий), возглавляя русские полки, выходит биться с грозным противником. Остановиться перед битвой решено было у Спасо-Евфимьева монастыря. Ну а чем скоротать вечер? Понятно чем: князь, по словам летописца, «ужинал у себя со всею братию и з бояры, и пиша долго ночи».

Утречком, когда князюшка решил все-таки с перепоею поспать («опочинуть»), пришла весть, что татары переходят через р. Нерль. Непроспавшийся князь надевает доспехи и выступает на битву.

И каков результат?

А результат вполне закономерен: единственный раз в отечественной истории фактический глава государства русского попадает в плен к врагу. В. Мединский укоряет в пьянстве Петра I — небеспочвенно. Но тот хотя бы в плен к Карлу XII с глубокого бодуна не попал.

Расплачиваться за княжескую неводержанность пришлось всей стране. В плену Василия решили убить, но потом все-таки отпустили с условием выплатить громадный выкуп в 20 000 руб. и испоместить у себя в княжестве татарского царевича Касима с отрядом. Царевичу был отдан город Городец Мещерский (нынешний Касимов). Появилась новая этнографическая группа татар — касимовские татары. Вот такие-то последствия одной небольшой пьянки. Так что, уважаемый читатель, когда наутро после весёлого корпоратива вы недосчитаетесь денег в кошельке, пуговиц на пиджаке и зубов во рту — не печальтесь: вспомните Василия II, и вам полегчает.

Пирывы были значительным событием в жизни древнерусского общества даже в том случае, если не имели столь разрушительных последствий. Случаи масштабных пиров фиксировались в летописях. Княжеские, монастырские, купеческие... Пир — это, конечно, не только питие, но и еда. Вот как описан богатый пир в «Слове о богаче и Лазаре», популярном на Руси в XII в.: «На обеде его прислуживают многие; сосуды златом скованы и серебром; яств множество различных — тетерева, гуси, журавли и рябчики, голуби, куры, зайцы и олени, вепри, дичина, пироги, пече-

ние, птицы. Множество поваров работают и трудятся в поту, многие бегают, носят блюда на перстах, обмахивают с боязнью. Иные же серебряные умывальники держат, иные склянки с вином носят, чаши огромные позолоченные, кубки и котлы, питье же многое — мёд и квас, вино, мёд чистый, мёд перцовый... и т. д.»

Надеюсь, читатель способен оценить величественную гармонию настоящего средневекового пира, запечатленного в этих строках. Так зачем же (пусть даже для благой цели) кастрировать нашу историю? Прошлое нужно ценить таким, какое есть.

Ценить и знать. Возможно, В. Мединский ценит. Но знает далеко не все. Читаем дальше:

«Обратим внимание ещё вот на какую деталь: в русском законодательстве нет никаких ограничений пьянства и наказаний для пьяниц. Нет осуждения пьянства, рассказов для детей о вреде пьянства. Этого нет ни в «Поучениях» Мономаха, ни в святоотеческой религиозной литературе, ни в других книгах Древней Руси. Нет упоминаний о пагубных последствиях пьянства, по сути, нигде».

Набор нелепиц. В «Поучении» Владимира Мономаха про пьянство, в самом деле, слова нет. А вот все остальное — чистейшее недоразумение. И в религиозной, и в учительной древнерусской литературе рассказов про пьянство предостаточно. И в законодательстве нормы, карающие «употребление» в неподобающих случаях, — есть!

Одно из самых первых по времени возникновения «наставление пьющим» содержится в Изборнике 1076 г. Изборник — книга чрезвычайно интересная. Иногда его ошибочно именуют Изборником Святослава, но это неверно. Изборник Святослава — это Изборник 1073 г., написанный в самом деле для князя — на дорогом материале лучшими писцами, ук-

рашенный богатой росписью. А Изборник 1076 г. — книга совсем иного рода. Она небольшая, написана на не особо качественном и поэтому недорогом пергаменте обычным почерком того времени. Такая книга вряд ли хранилась в ларе у князя, скорее, её мог купить или заказать обычный состоятельный горожанин. Уровень грамотности в домонгольской Руси был весьма высок, книгу на Руси уважали. Особенно такую, как Изборник — в нём содержатся «душеполезные» советы на каждый день, выдержки из Святого писания, афоризмы и другие «мудрые мысли». В ней человек мог найти наставления о супружеской жизни, об отношении с родителями и детьми, о том, как лучше вести себя с вышестоящими и друзьями. И вот как раз после поучений о выборе круга общения в Изборнике 1076 г. помещена глава о поведении на пиру, озаглавленная «О мёде».

Советы на этот счет обнаруживают основательное знакомство автора текста с предметом. Кстати, советы тысячелетней давности можно смело использовать и теперь. Распечатать и раздавать посетителям в ресторанах. Если перевести с древнеславянского на современный язык, то советы бы выглядели примерно так:

1. Прежде всего, отведав мёду, не следует мешать веселиться другим. Сам веселись — другим не мешай.

2. «Не възносия, буди въ нихъ яко един от нихъ», или, говоря современным языком «не выпендривайся».

3. Если завяжется беседа — не умничай («без ума в пире не мудри ся»), а вееди себя так, будто ты все знаешь, но молчишь. Да и к выбору темы разговора следует подходить осторожно — избегать острых тем: не говорить с трусом о битве, с купцом о

прибыли, с покупающим о покупке, с завистливым о похвалах, с немилосердным о помиловании, с ленивым рабом (очевидно, и с ним мог завести беседу читатель Изборника) о бурной деятельности. Лучше всего побеседовать о чём-нибудь с хорошим, «благодарным» человеком.

Ну не прелесть ли? Понимали люди в этом деле толк.

Понятно, что жизнь часто не укладывается даже в самые прекрасные правила. Из дальнейшего повествования увидим, что действительность была далека от предложенного Изборником теоретического идеала. Воплощение книжного образа скорее можно было найти в элегантных дружеских застольях византийской знати, а не в буйных пирах варварской Руси.

Пир и народные празднества имели глубокие корни в языческой эпохе и были важным общественным институтом, выполняющим функции социально регламентированного *со-бытия*, местом социально значимого общения, а не просто пустого времяпрепровождения. Эти представления нашли отражение в эпосе. Умение пировать с размахом — одно из качеств истинного богатыря.

В. Мединский пишет по этому поводу так:

«Вообще единственный случай упоминания пьяниц и пьянства на Древней Руси — это история про Садко и голь перекатную. Но, во-первых, это эпос Новгорода — самого европейского города Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные приключения Садко содержат только один «пьяный» эпизод. Остальные примеры гульбы — не пьянка, а скорее безудержное, разудалое веселье, такое, как пляски морского царя под гусли Садко».

Во-первых, Новгород — нормальный древнерусский город, делать из него некое исключение вряд ли

есть основания. Во-вторых, Мединский здесь сильно напутал: главным героем былины о голи кабацкой (перекатной) был не новгородец Садко, а старший русский богатырь Илья Муромец. Да и действие происходило не в Новгороде, а в Киеве.

То есть все вышло как в старом анекдоте: «Правда ли, что Рабинович выиграл «Волгу» в лотерею? Конечно, чистейшая правда! Только не «Волгу», а 100 рублей, не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл».

На самом деле — былина очень известная, и найти текст её при желании читатель сможет легко.

Кратко суть её в том, что «старый казак» Илья Муромец обиделся на князя стольнекиевского Владимира Красно Солнышко за то, что князь обошёл его приглашением на «почестен пир». Многих богатырей и бояр позвал, а Илью — нет. И тогда Илья решил устроить свой собственный пир во всю силу своей богатырской мощи: он посшибал с церковей золотые маковки и созвал весь малоимущий (пьющий, надо заметить) народ:

Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта...»

В итоге народный пир, устроенный Ильей, приобретает столь грандиозные масштабы, что возникает угроза целостности стольного города и самого княжеского семейства. Князь пугается и начинает судорожно соображать, как бы ему исправить ошибку. Илья страшен не только в бою, но и в пиру. Если пригласить его теперь — может только хуже оказаться. От-

ветственное задание пригласить старшего богатыря поручают следующему по старшинству — Добрыне Никитичу, который считался богатырём не только сильным и смелым, но ещё воспитанным и дипломатичным.

Выходил Добрыня он на Киев-град,
 Ён пошёл-то как по городу по Киеву,
 Пришёл к старому казаку к Илье Муромцу
 Да в его палаты белокаменны.
 Ён пришел как во столовую во горенку,
 На пяту-то он дверь да порозмахивал,
 Да он крест-от клал да по-писаному,
 Да й поклоны вёл да по-ученому,
 А ещё бил-то он челом да низко кланялся
 А й до тых полов и до кирпичных,
 Да й до самой матушки сырой земли.
 Говорил-то ён Илье да таковы слова:
 «Ай же, братец ты мой да крестовый,
 Старья казак да Ильа Муромец!
 Я к тоби послан от князя от Владимира,
 От Опраксы королевичной,
 А й позвать тебя да й на почестен пир».

Илья не стал поминать старую обиду и пошёл на княжеский пир. Таким образом, город был спасён от неминуемого разрушения. Понятно, что в этой былине стихия необузданного народного пира противопоставлена произволу властей, несправедливых, трусливых и мелкодушных.

Эта былина дает повод задуматься, отчего в России народ пьёт? Только ли от «неверно сформированной идентичности»? Может быть, дело не в летописной фразе «Руси есть веселие питие», а в явлениях социально-экономического порядка? Политику, члену Государственной Думы В.Р. Мединскому стоило бы, наверно, больше думать об этом. Поскольку сюжет с былинами в его книге вышел довольно неудачно.

Но мы «на прежнее возвратимся», как писали древнерусские книжники. «Умение пить» долгое время было одним из богатырских качеств, человек, способный много выпить и не потерять контроль над собой, пользовался всеобщим уважением. Снова обратимся к эпосу. Теперь действительно былина новгородского цикла об удалце Василии Буслаеве. В одном из сюжетов Василий попадает на казачью заставу. Его для знакомства приглашают за пиршественный стол.

И тут Василий их удивил...

Садится с ними за единой стол.
 Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
 Поднимает Василий единой рукой
 И выпил чару единым духом,
 И только атаманы тому дивуются,
 А сами не могут и по полуведру пить.

Вот таков он — народный герой: пьёт и не шатается, хочется кому-то или нет...

Вообще, сведения о праздниках и пирах содержать в во многих источниках. Однако лучше всего видно, как все происходило, в «Поучении философа, епископа Белгородского», автором которого предположительно является епископ Григорий (XII в.). Епископ вовсе не ставил себе целью опорочить своих современников и дать дополнительные козыри в руки идеологическим противникам России. Он хотел, по сути, того же, чего добивается В. Мединский, — наставить людей на путь истинный. Отвратить их от пьянства и призвать к трезвости.

Для того чтобы быть убедительным, он стремится показать пастве, как кошмарно (с его точки зрения) она выглядит. В его произведении открывается нам панорама всеобщего повального пьянства. Масштабы этого явления епископ сравнивает с пожаром, кото-

Свадебный пир. Гравюра из книги Адама Олеария

рым охвачен не только вверенный его пастырскому попечению город, но и окрестности. У высокоинтеллектуального епископа ни одно слово не случайно. В том числе и сравнение хмеля с огнём. Далее он развивает эту аналогию: «таков родом хмель — он согревает и распяляет внутренности, сжигая душу, как в пламени».

Чувствуя на себе ответственность бороться с этим злом, проповедник уподобляет хмельной внутренний огонь адскому пламени и заявляет: «Пьянице царства Божия не получить. Не ясно ли, что всяк пьяница погибает, и от Бога отлучается, и в негосимый вечный (адский) огонь посылаемы бывают».

Будучи осведомлён, что в Библии ничего не сказано о греховности пьянства, Григорий увязывает божественный гнев не с употреблением спиртных напитков как таковым, а с безобразным поведением, ко-

торое свойственно перепившим людям. «Горе мне! горе мне! — сокрушается епископ. — Как допустил все это Господь Бог в дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса — и совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся!» Вот люди: пьют, ещё и гордятся этим!

Очень колоритны картины народных праздников, нарисованные в «Поучении». В изображении епископа в вверенной ему пастве тот лишь праздник считается удавшимся, после которого все лежат «яко мертвые от пьянства, с разъявленными как у идолов ртами и не ходяще» — такая вот вполне узнаваемая «конечная стадия».

А в самом «процессе» все происходит так: «Когда вы упьётесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поёте и пляшете, и в дудки дудите, завидуете, пьёте чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюёте и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжёте, возносите, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеётесь, крадёте, бьёте, дерётесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, поносите, — ну как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья женщина — сатанина невеста, супруга дьяволу: когда любой мужчина глядит на такую жену, для мужа её непристойно то и бесстыдно; образ Божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! — и вы ещё входите в церкви!»

Рыгающего смрадом пьяницы Бог так же гнушится, как мы — мертвого смердящего пса. Пьянство изгоняет из человека Святой Дух, как дым отгоняет пчёл. Пьяница — весь плоть, духа в нём нет, он поклоняется выпивке, как «некому богу». Аналогичные представления отмечены Б.А.Романовым в другом

Попойка. Гравюра из книги Адама Олеария

древнерусском тексте — инструкции действующим священникам «Вопрошании Кирика»: «Пьяный человек — все равно, что получеловек». За проступки, им совершённые, назначается половинная епитимья, но и за нечаянное убийство нетрезвого человека вменяется лишь «полдушегубства». В принципе, епископ Григорий не против употребления спиртного: «на веселие нам Бог питие дал, и только в положенное время, а не для пьянства».

Кстати и о законах против пьяниц, В. Мединский о них не знает, но они были.

Пьянство во взаимосвязи с нормами древнерусской покаянной дисциплины было рассмотрено известным ленинградским историком Б.А. Романовым, считавшим, кстати сказать, что пьянство в Древней Руси «было универсальным бытовым явлением». Страдало несдержанностью и духовенство. Б.А. Романов об-

ращает внимание на то, что «Заповеди митрополита Георгия» предусматривают и такой случай: «аще епископ упиется» — за это ему наказание — десятидневный пост. Зная эту всеобщую для древнерусского общества слабость, церковные иерархи проявляли особую заботу о том, чтобы по крайней мере духовенство ввело потребление спиртного в определенные рамки. Заботилась об этом и светская власть. Не являясь преступлением для мирянина, пьянство попов, чернецов и черниц согласно Уставу Ярослава подлежало митрополичьему суду (ст. 46). Однако церковные власти не ограничивались карательными мерами. Канонические ответы митрополита Иоанна II вполне допускают присутствие священника на мирском пиру, там он может свободно угощаться, однако в увеселениях — «игранье и плясанье и гуденье» участия не принимать, а встать и уйти, если остановить «безобразия» он не в силах, — то есть в «Ответях» давались определённые инструкции, как себя вести в щекотливых ситуациях.

Весь этот древнерусский материал оказался В. Мединскому неизвестен, и он «заткнул прореху» общим утверждением об отсутствии на Руси древних питейных традиций.

Материал XIV—XVII вв. известен автору разбираемого нами произведения лучше. Правда, в основном он читал свидетельства иностранцев о России. Наши собственные летописные источники остались для него по-прежнему малоизвестны. Но то, что есть, уже неплохо.

Общая мысль автора «Мифов о России» по поводу прочитанных им текстов заключается в том, что это все вранье. То есть, с точки зрения Мединского, эти-то свидетельства как раз и формировали мифы о России, которые он развенчивает.

Если б так, как говорится. Правда в том, что многие иностранцы и впрямь относились к России и русским не лучшим образом. Многие — прямо недоброжелательно (например, Джильс Флетчер). Однако не все. Кроме того, европейцы все-таки старались сохранять по мере сил и возможностей объективный взгляд, ведь целью их было — доставить соотечественникам достоверные сведения об отдалённой и неизвестной стране.

Они смотрели на российскую действительность взглядом натуралиста, изучающего насекомых. Без особой симпатии, с чисто научным интересом. Чувствовать себя насекомым под микроскопом неприятно, слов нет. Однако объявлять все их тексты злонамеренной выдумкой — ошибка. Иностранцы много не понимали, во многом их восприятие было обусловлено ошибочными стереотипами, но в целом в их сочинениях огромное количество ценной информации.

Не нужно думать, что специалисты-историки слепо верят (или не верят) каждому слову Сигизмунда Герберштейна или Адама Олеария. На это есть увлекающиеся дилетанты.

В. Мединский пишет: *«Выясняя, правду или неправду писали о нас иноземцы, полезно посмотреть: а откуда, из каких стран они сами-то происходили. Странно, что русские исследователи не догадались этого сделать — ведь тогда очень многие вопросы снялись бы сами собой»*

Странно, что сам Мединский не посмотрел работ историков — он бы увидел, что и происхождение, и политические пристрастия изучены и учтены. Посмотрел бы — *очень многие вопросы снялись бы сами собой.*

Дело историка как раз и заключается в том, что бы каждое слово проверять. Вообще, работа историка

сродни работе следователя: «показания» источников сопоставляются, выявляются совпадения и противоречия, проверяется подлинность каждого документа, проверяется достоверность. С сочинениями иностранцев все «следственные действия» проводились с особой тщательностью. Немудрено — это знающие свидетели. И, дорогой читатель, доказано — достаточно правдивые.

Будем разбираться. В. Мединский считает наиболее доброжелательным наблюдателем английского моряка Ричарда Ченслора:

«Характерно, что один из самых «положительных» отзывов оставил моряк Ченслор. Он попал на Русь случайно, совершив великое и рискованное плавание по совершенно неизвестным морям. Это ведь совершенно не то, что ехать по дорогам Германии и Польши с пачкой дипломатических писем, поднося к носу надушенный платочек на постоянных дворах».

И что же читаем мы у доброжелательного англичанина?

Для начала вот: «...я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства». Ченслор замечает это между делом, не акцентируя. В целом его отзыв о нашей стране действительно восхищенный. Чем восхищается англичанин? Восхищение его на думающего человека производит ещё более тяжёлое впечатление, чем злобные выпады других иностранцев, того же Флетчера.

Ченслор восхищается тем, что русский народ удивительно, нечеловечески терпелив. Государь не снабжает свои войска провиантом? Ничего — воины едят овсяную муку, размешанную в холодной воде. Государь не позаботился о палатках, необходимых в походных условиях? Ничего — русский воин разгребаёт снег и спит прямо так — прикрывшись войлоком у ко-

стра. Государь не платит никакого жалованья? Ничего — служат за свой счёт, поскольку это честь служить стране и государю. Не то английские ленивцы — норовят улизнуть от службы. В России, если царь посылает на войну — это считается особым отличием.

Да если бы этих людей выучить «цивилизованным» методам войны, то не было бы сильнее державы в мире, — рассуждает английский капитан. Но никто пока не «растолковал» русскому царю, какие в его народе сокрыты возможности. Нет на то Божьей воли, — деликатно замечает Ченслор. Зато царь во время обеда три раза меняет короны: *«Перед обедом великий князь переменял корону, а во время обеда менял короны ещё два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове»*. Вот это шик, ничего не скажешь! Вот это державное величие! Солдаты зимой на снегу спят, зато у царя две специальные обеденные короны. Узнаваемая ситуация, правда?

«Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребёнку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал её, то с ним не справился бы ни ребёнок, ни взрослый человек» — таков вывод капитана Ричарда Ченслора.

По сравнению с наивными благожелательными восторгами Ченслора, желчные выпады другого англичанина, побывавшего в России чуть позже, Джильса Флетчера, выглядят даже как-то вяловато:

«Столы у них более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя

ни о чём говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом хлебки. Напиваться доьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мёд, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который (как мы сказали) есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода».

В общем, все понятно: люди ели, пили, спали. С Джильсом общаться не хотели — он обижался. Да и в целом его дипломатическая миссия окончилась жестоким провалом — как тут не обидеться.

Труд Флетчера был тщательно изучен ещё в XIX в. проф. С.М. Середониным. Середонин отметил массу смешных несообразностей в его книге. Многое там англичанин передаёт с чужих слов, часто неверно понятых. Так, например, пишет, что лютой зимой на русские деревни нападают полчища медведей. Не знал, видимо, что медведи зимой спят. Середонин указывает и источник этой весёлой истории. Подобный случай описан у Герберштейна (о нем ещё будет речь). Но там речь идет о сбезавшем зимой цирковым медведе. Флетчер, читавший Герберштейна, видимо, «сильно по диагонали», этого не понял. И, в принципе, можно было бы наплюнуть на его произведение и забыть. Но Середонин отмечает, что в описании бытовых подробностей Флетчер довольно точен. Скажем, его описание русского костюма (детальное, с воспроизведением латинскими буквами русских названий предметов гардероба) полностью подтверждается сравнением с русскими документами (описями имущества). Более подробных описаний ни один иностранец не оставил.

Видимо, интересовался человек вопросами моды не шугая.

Вообще Флетчеру местные обычаи откровенно противны, но описывает он их вполне адекватно: и как питаются, как в бане парятся.

«Они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств. <...> Вы нередко увидите, как они (для подкрепления тела) выбегают из бань в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку или окачиваются холодной водой, даже в самый сильный мороз». Забавно, что к частому мытью в банях гламурный англичанин относился тоже весьма неодобрительно: считал, что от этого портится цвет лица и сморщивается кожа. Относился неодобрительно, но описывал-то, в общем, как может видеть читатель, вполне точно. Все-таки выпускник Кембриджа, доктор права.

Но довольно об англичанах. Хотя их, побывавших в России, ещё немало осталось. Возьмемся за немцев. Отношение к ним В. Мединского несколько противоречиво. С одной стороны, он признает, что многие из них были вполне добросовестными писателями. С другой стороны, они тоже отнесены им к числу творцов «черного мифа». Как так?

Однако не будем отклоняться от темы. Пьянство.

В. Мединский пишет:

«О пьянстве русских байку пустили не немцы, — хотя бы потому, что пили столько же, если не больше, и примерно такие же напитки».

Все правильно — баек они не пускали. Не осуждали особенно, поскольку и сами с русскими угощались. Но, угостившись, с немецкой аккуратностью фиксировали это в своих путевых заметках, отдавая русским должное...

Среди немцев сам Мединский совершенно справедливо выделяет особенно основательных. Например, Адама Олеария, посетившего Россию в 30—40-х гг. XVII в., при первом Романове — Михаиле Федоровиче.

«Он обладал качествами, которыми не могли похвастаться иные творцы черных мифов: наблюдательностью, осторожностью, критичностью, тактом».

И что же пишет наблюдательный и тактичный немец о русских?

«Пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире». И еще много чего «весёлого». Всё, что написал посол шлезвиг-голлштинского герцога, пересказывать не хочется — слишком ужасен его рассказ. Выдержка из него помещена в приложении к настоящей главе — ознакомьтесь сами.

Понятно, что иностранные послы вращались в специфическом обществе. Возможно, крестьянские массы жили по-другому и пили только по праздникам. Именно об этом свидетельствует один из первых авторов заметок о России XVI в. — немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн.

Но послы жили в городах, общались с представителями знати и высшего чиновничества. Атмосфера, которая царил среди этой публики, казалась им настоящим алкогольным адом. Особенно забавными выглядят жалобы шведского посла, посетившего Россию с дипломатической миссией в начале XVII в. Посла звали Пётр Петрей де Ерзелунда.

Для начала послов тщательно угощали за царским обедом. Причём специально прикомандированные приставы, говоря современным алкогольным жаргоном, «гнали» — часто пили за здоровье послов и заставляли есть и пить их самих. Видимо, «вместимость»

приставов существенно превосходила «вместимость» послов, поскольку им это угощение в конце концов переставало приносить радость, но отказаться было нельзя. Приставы не только поили, они ещё и следили за тем, чтобы послы «казались весёлыми», раз их жалует сам Государь.

Поили послов мёдом. Пётр Петрей ценил качество этого напитка. Он писал, что мёд этот «такой светлый и чистый, как лучшее рейнское вино и прозрачный хрусталь».

Однако угнаться в питии за русскими ему было не под силу.

Обед заканчивался около полуночи, но не заканчивался мёд.

В качестве прощального приветствия царь приказывал налить каждому послу по большому кубку самого крепкого мёда, который только находился в погребах. Каждый должен был выпить до дна. Причём царь за этим пристально следил. Приходилось пить.

Затем делегацию препровождают «с банкета в отель». Можно бы отдохнуть, но не тут-то было. Приставы сопровождают послов к месту их проживания. И не с пустыми руками! Специальный служитель доставляет приличный запас мёда и вина, и «банкет» продолжается далее.

Повествуя об этой гастрономической пытке, Петрей писал:

«Они считают для себя большую славою и честью, если могут напоить допьяна иностранцев: кто не пьёт лихо, тому нет места у русских. От того у них в употреблении и поговорка, когда кто на их пиру не хочет ни есть, ни пить, они говорят тогда: «Ты не ешь, не пьёшь, не жалуеть меня» (вспомним sacramентальное «Ты меня уважаешь?» — В.Д.), — и очень недовольны теми, которые пьют не так много, как им хочется.

А если кто пьёт по их желанию, тому и они доброжелатели, и он их лучший приятель. Они не пьют за здоровье друг друга, но ставят перед каждым две или три чаши вдруг, и когда одна будет выпита, наливают её допьяна опять и ставят перед тем, кто её выпил. То же соблюдается и со всеми гостями до тех пор, пока они не опьянеют».

Узнаваемая ситуация?

И это, как водится, тоже не конец.

Когда послы напивались окончательно и начинали недвусмысленно просить русских о пощаде, начиналось самое главное.

Вносится мёд, и иностранцам предлагают выпить за здоровье русского царя...

Серьёзная постановка вопроса: как ни мутно уже дипломатам — деваться некуда, как не выпить за царя? Пьют.

Потом им предлагают выпить за их собственного государя короля — тоже никак нельзя отказаться: пьют.

Послы в изнеможении, а русские довольны: «*Это делается с особенною торжественностью и обрядами, а именно: русские первые станут пить это здравие, выйдут на средину комнаты с чашами в руках, налитыми по края вином и мёдом, снимут шапки, пьют и желают своим обоюдным государям здравия и счастья, также победы и одоления их недругов, у которых чтобы не осталось во всем теле и столько крови, сколько капель остается в этих чашах, и опрокидывают чаши на головы. То же должны делать и послы и притом повторять слова русских, со всеми своими приставами и служителями».*

И вот иностранцы уже почти в коме, а русские, наконец, насытились. Могут и уйти. А могут и остаться. И тут иностранцам уже ничего не жалко: они одарива-

ют дьяка — распорядителя рейхсталерами, червонцами — лишь бы ушел.

Такая вот непростая штука — работа дипломатом в России по впечатлениям Петра Петрея. Заметьте, нигде не говорится, что русские напильсь до безобразного состояния. Но пьют много — и угощают щедро (чуть не до смерти). А на следующий день бояре (ехидные люди!) интересуются здоровьем послов.

На дорожку отбывающей дипломатической делегации дают в подарок несколько бочек мёду, пива и водки, и те *«берут всё это с собою в дорогу, потому что в городах и деревнях им нельзя будет достать никаких напитков такого качества, чтобы можно было их пить»*. Вот так-то: не хотели — не хотели, а гостинец-то с собой прихватили — понравилось.

Со времен Ивана Грозного государство начинает наживаться на страсти русского человека к выпивке. Появляются кабаки — питейные заведения, доход с которых так или иначе шёл государству.

Да и в более поздние времена государство не брезговало хмельными доходами. Частичка «пьяных» денег есть и в прекрасной архитектуре имперского Петербурга, и в великих стройках социализма, и в космических ракетах, бороздящих, как говорится, космические просторы. В кабаках пьянство приобретало уже прямо кошмарные формы. В них подавали не только мёд и вино, но и водку. Пьяницы пропивали в кабаке всё имущество — до последней одежды и нательного креста. Живописные зарисовки кабацкого быта можно найти у Олеария, но мы к нему возвращаться не будем (можно почитать самостоятельно).

Обратимся к русским источникам. А то в самом деле, может, оговаривали нас иностранцы. Придумывали, чего не было. Но есть, уважаемый читатель, и наши, русские источники на эту деликатную тему. И есть в изобилии.

В древнерусской литературе XVII в., в отличие от литературы более раннего времени, существенно больше внимания уделялось жизни простых людей. И если раньше описание повседневности обычного человека лишь изредка проникало на книжные страницы (вспомним «Поучение» епископа белгородского), то теперь материала становится в разы больше. Проблемы, связанные с пьянством, заняли в этой литературе подобающее место.

Только, конечно, характер этих текстов кардинально отличается от того, что писали иностранцы. Впрочем, основная разница, конечно, не в том, что описывается, а как описывается. Иностранцы путешественники описывали, как на Руси пьют, или с нейтральной скрупулёзностью любопытствующего путешественника, или с высокомерным раздражением представителя «цивилизованной» нации. Для них это всё «местная экзотика».

В русских произведениях настрой совсем иной: горькая самоирония, самоубийственная удаль и, конечно же, некоторая доля самооправдания.

Обречённость и самоуничижительная ирония читается в знаменитой «Службе кабаку» — сатирическом произведении XVII в. Текст этого памятника пародирует церковную службу, обряд которой был хорошо знаком современникам. Тем смешнее было видеть в канве знакомых высоких церковных оборотов неприглядную жизнь горького пьяницы.

Как начинается, согласно «Службе», карьера пьяницы, «пития наука» в XVII в.? Да, в общем, так же, как сейчас. Сначала неволей принуждают родители или близкие человека выпить. Потом, на следующий день, так же неволей вынуждают опохмелиться, а там, глядишь — и вошёл во вкус. Уже и оговаривать не нужно. Раньше, бывало, в гости звали, а он не

шёл — на него сердились. А теперь и не зовут — всё равно идёт, и даже если оговорят — будто и не слышит: лишь бы выпить.

Далее следуют горестные «зарисовки» жизни пьяницы: днём он спит, как нетопырь (летучая мышь), или как пёс, свернувшись за печкой, а как ночь, ищет, где бы и на какие деньги выпить. И бьют его, и презирают — но не может пьяница от обычной своего пагубного отречься. Сам как крапива — кто не подружится с пьяницей, тот охнет. И как бы ни страдал пьяница от побоев («поушников»), ни от презрения, ни от нищеты — всё равно готов ради выпивки на всё — и на грабёж, и на убийство, готов лебезить перед тем, кто может напоить.

Дом пьяницы пустеет. Жена встречает бранью: «И я, и дети целый день не ели, а ты всё пьешь...» Но пьянице всё равно — он последнее в кабаке тащит, а потом ещё и хвастает: «Нынче так пьян был, что не помню, как из кабака меня увели, в кошельке денег было десять алтын — а посмотрел — нет ничего — всё вычистили. И рассказывали ещё, что в пьяном виде со многими ругался, а с некоторыми даже дрался. А я этого не помню ничего».

Другой пьяница ему хвастливо отвечает: «А я ещё пьянее тебя был! Весь в кале перемазался да и уснул, не дойдя до выхода. Потом проснулся, пошёл в полночь на речку мыться».

Тут и третий подключается: «Нет, это я был вас всех пьянее: пришел домой, жену побил, детей разогнал, чашки все перебил — и теперь ни пить не из чего, ни есть, а новые купить не на что...»

И много там ещё всего грустного.

Но были повеселее тексты. В плане самооправдания самое, пожалуй, забавное произведение — это «Повесть о Бражнике», датируемая серединой XVII в.

Главный герой, понятное дело, бражник — то есть пьяница. Но не совсем обычный. Пил он каждый день (в этом смысле ничего необычного в нём не было), но каждую выпитую чашу сопровождал прославлением Бога. Кроме того, бывало, и ночью молился.

И вот настал его смертный час. Бог послал за его душой ангела, который выполнил свою задачу несколько халтурно — донёс бражника до ворот рая, оставил там и исчез.

Ну, чего ж делать. Начал наш пьяница стучаться в ворота рая. На стук к нему, как полагается, вышел апостол Пётр и спросил, кто там стучится. Бражник отрекомендовался предельно просто: «Азь есмь грешный человек бражник, хочу с вами в раю быть». — «Пьяницам вход воспрещён», — тут же ответил Пётр.

Думаете, наш пьяница грустно побрёл прочь после столь решительного отказа? А вот и нет. Он поинтересовался, кто с ним говорит, и когда узнал, что с ним говорит апостол Пётр, заметил, что Пётр-то, когда Христа взяли на распятие, три раза от него отрёкся. А он, пьяница, никогда от Христа не отрекался: «Так почему ты, Пётр, в раю живёшь, а мне нельзя?» Пётр не нашёлся что ответить и, пристыженный, отошёл. Но дверей не открыл.

Нахальный пьяница принялся долбиться в ворота дальше.

К воротам подошел апостол Павел и спросил: «Кто там у ворот толкается (стучится)?» Пьяница снова предельно ясно изложил свои намерения: «Азь есмь бражник, хочу с вами в раю жить!» И получил снова тот же самый ответ: «Бражникам вход воспрещён».

И опять пьяница не смутился и поинтересовался, с кем он сейчас разговаривает. Апостол Павел представился. Тут наш герой опять блеснул богословской

подготовкой: укорил Павла в том, что тот участвовал в казни первосвященника Стефана. «А я, пьяница, никого не убил!» — с чувством собственного достоинства возгласил бражник. Апостолу Павлу крыть было нечем, и он удалился.

А пьяница снова начал колотить в дверь...

Подошёл царь Давид и после диалога, аналогично уже пересказанным, был укорён в убийстве своего слуги Урия и сожительство с его женой. Ушёл, конечно, посямлённый.

Затем последовал диалог с другим библейским цапём — Соломоном. У того список грехов оказался ещё более внушительным: и идолам поклонялся, и по женской части был слаб. А бражник-то пить пил, но Бога Единого всю жизнь славил, идолам не поклонялся. Так почему же Соломон его в рай не пускает? Отпал и Соломон.

Бражник продолжил колотить в дверь.

Вышел святитель Николай Мирликийский (особо почитаемый на Руси как Никола Угодник, а на Западе как Санта Клаус). Понятно, что и Николай оказался не безгрешен: на вселенском Никейском соборе в 325 г. дал по морде александрийскому священнику Арию, которого считал еретиком. Прилично ли Санта Клаусу драться? Ушел, стыдась...

И вот, наконец, вышел к настърному бражнику сам апостол Иоанн, любимый ученик Христа, автор одного из Евангелий и Апокалипсиса, и ещё раз внятно объяснил, что «ПЬЯНИЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!!!»

Его бражник «поймал» элегантней всего. «А ведь вы с Лукой (другим евангелистом) написали в Евангелии: «друг друга нужно любить, Бог всех любит», а я вот пришёл, а вы меня не любите — не пускаете. Либо давай пускай, либо Евангелие переписывай!»

Ну что тут поделаешь, в самом деле не переписывать же Евангелие ради одного пьяницы.

И сказал апостол Иоанн: «Наш ты человек, бражник! Заходи!» И открыл ворота.

Думаете, обрадованный пьяница скромно вошёл и сел в уголочке? Нет, он гордо прошествовал к лучшему месту и там уселся. Святые отцы подивились такой наглости: «Чего это, — спрашивают, — бражник, ты не только в рай вошёл, но и на лучшем месте устроился? Мы сами к этому месту подступить не смели!» «Эх, святые отцы, — ответил бражник, — да вы же с пьяницей нормально поговорить не смогли, не то что с трезвым». Святые отцы и в этот раз не смогли не признать его правоту и оставили сидеть на почётном месте.

На этой позитивной ноте, пожалуй, стоит закончить.

Роль и место алкоголя в русской повседневности всегда были велики. И неоднозначны. Немало горя принёс алкоголь, но и веселья немало. Главное правило, которым руководствовались наши предки для сохранения морального и физического здоровья, вполне относится и к алкоголю. Наиболее четко оно сформулировано в «Поучении Моисея о безвременном пьянстве»:

«Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну своё время и мера, желанию пици и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности в женщине время и мера, — стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени — грех будет в душе, а в теле недуг». Всё хорошо в меру!

Приложение 1

Адам Олеарий

«ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛШТИНСКОГО
ПОСОЛЬСТВА В МОСКОВИЮ И ПЕРСИЮ»

(фрагмент)

«Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение», — говорит многократно уже называвшийся нами датский дворянин Иаков. Мы сами несколько раз видели в Москве, как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань, и голые, как их Бог создал, подходили к нам и обращались к нашей молодёжи на ломаном немецком языке с безнравственными речами. К подобной распутной наглости побуждает их сильно и праздность; ежедневно многие сотни их можно видеть стоящими праздно или гуляющими на рынке или в Кремле. Ведь и пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире. «Брюхо, налитое вином, быстро устремляется на вождение», — сказал Иероним. Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть. Я припоминаю по этому поводу, что рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде: «Ежегодно в Новгороде устраивается паломничество. В это время кабатчик, основываясь на полученном им за деньги разрешении митрополита, устраивает перед кабаком несколько палаток, к которым немедленно же, с самого рассвета, собираются чужие паломники и паломницы, а также и местные жители, чтобы до богослужения перехватить несколько чарок водки. Многие из них остаются и в течение всего дня и топят в вине своё паломническое благочестивое настроение. В один из подобных дней случилось, что пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русский,

проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголённая, распалился распутною страстью и прилёг к ней, не глядя на то, что это было среди бела дня и на людной улице. Он и остался лежать с нею и тут же заснул. Много молодёжи собралось в кружок у этой пары животных и долгое время смеялись и забавлялись по поводу их, пока не подошёл старик, накинувший на них кафтан и прикрывший этим их срам».

Порок пьянства так распространён у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того всё это обыденно. Если какой-либо возчик встречает подобных пьяных свиней, ему лично известных, то он их кидает в свою повозку и везёт домой, где получает плату за проезд. Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком почёта, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько «чарок вина», т. е. водки; при этом простой народ, рабы и крестьяне до того твёрдо соблюдают обычай, что если такой человек получит из рук знатного чарку и в третий, в четвёртый раз и ещё чаще, он продолжает выпивать их в твёрдой уверенности, что он не смеет отказаться, — пока не упадёт на землю и — в иных случаях — не испустит душу вместе с выпивкою; подобного рода случаи встречались и в наше время, так как наши люди очень уже щедры были с русскими и их усиленно потчевали. Не только простонародье, говорю я, но и знатные вельможи, даже царские великие послы, которые должны бы были соблюдать высокую честь сво-

его государя в чужих странах, не знают меры, когда перед ними ставятся крепкие напитки; напротив, если напиток хоть сколько-нибудь им нравится, они льют его в себя как воду до тех пор, пока не начнут вести себя подобно лишённому разума и пока их не поднимешь порою уже мёртвыми. Подобного рода случай произошёл в 1608 г. с великим послом, который отправлен был к его величеству королём шведскому Карлу IX. Он так напился самой крепкой водки — несмотря на то, что его предупреждали о её огненной силе, — что в тот день, когда его нужно было вести к аудиенции, оказался мёртвым в постели.

В наше время повсеместно находились открытые кабаки и шинки, в которые каждый, кто бы ни захотел, мог зайти и пить за свои деньги. Тогда простонародье несло в кабаки всё, что у него было, и сидело в них до тех пор, пока, после опорожнения кошелька, и одежда и даже сорочки снимались и отдавались хозяину; после этого голые, в чём мать родила, отправлялись домой. Когда я в 1643 г. в Новгороде остановился в любекском дворе, недалеко от кабака, я видел, как подобная спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках. Между прочим, вышел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему повстречался приятель, направлявшийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через несколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парой подштаников на теле. Я велел ему крикнуть: «Куда же делась его сорочка? Кто его так обобрал?», на это он, с обычным их: «б т... м.ть», отвечал: «Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и сорочка, туда пусть идут и штаны». При этих словах он вернулся в кабак, вышел потом оттуда совершенно голый, взял горсть собачьей ромашки, росшей ря-

дом с кабаком, и, держа её перед срамными частями, весело и с песнями направился домой. Правда, в последнее время такие простонародные кабаки, принадлежавшие частью царю, частью боярам, упразднены, потому что они отвлекали людей от работы и давали только возможность пропивать заработанные деньги; теперь никто уже не может получить за 2 или 3 копейки, шиллинга или гроша — водки. Вместо этого его царское величество велел устроить в каждом городе лишь один кружечный двор или дом, откуда вино выдается только кружками или целыми кувшинами, для заведывания дворами поставлены лица, принесшие особую присягу и ежегодно доставляющие невестную сумму денег в казну его царского величества. Ежедневного пьянства, однако, эта мера почти не прекратила, так как несколько соседей складываются, посылают за кувшином или более и расходятся не раньше, как выпьют всё до дна; при этом часто они падают один рядом с другим. Некоторые также закупают в больших количествах, а от себя тайно продают в чарках. Поэтому, правда, уже не видно такого количества голых, но бродят и валяются немногим меньше пьяных.

Женщины не считают для себя стыдом напиваться и падать рядом с мужчинами. В Нарве я из моего места остановки у Нигоффского дома видел много забавного в этом отношении. Несколько русских женщин как-то пришли на пиршество к своим мужьям, присели вместе с ними и здорово вместе выпивали. Когда, достаточно напившись, мужчины захотели идти домой, женщины воспротивились этому, и хотя им и были за это даны пощечины, все-таки не удалось их побудить встать. Когда теперь, наконец, мужчины упали на землю и заснули, то женщины сели верхом на мужчин и до тех пор угощали друг друга водкою, пока и сами не напились мертвецки.

«СЛУЖБА» КАБАКУ»

(фрагмент)

Наш хозяин в Нарве Иаков фон Кёллен рассказывал: «Подобная же комедия разыгралась на его свадьбе: пьяные мужчины сначала отколотили своих жён безо всякой причины, но потом перепилились вместе с ними. Наконец, женщины, сидя на своих заснувших мужьях, так долго ещё угощались одна перед другою, что, в конце концов, свалились рядом с мужчинами и вместе заснули». Какая опасность и какое крушение при подобных обстоятельствах жизни претерпеваются честью и целомудрием, легко себе представить.

Я сказал, что духовные лица не стремятся к тому, чтобы быть свободными от этого порока. Так же легко встретить пьяного попа и монаха, как и пьяного мужика. Хотя ни в одном монастыре не пьют ни вина, ни водки, ни мёда, ни крепкого пива, а пьют лишь квас, т. е. слабое пиво, или кофент, тем не менее монахи, выходя из монастырей и находясь в гостях у добрых друзей, считают себя вправе не только не отказываться от хорошей выпивки, но даже и сами требуют таковой и жадно пьют, наслаждаясь этим до того, что их только по одежде можно отличить от пьяниц мирян.

Когда мы, в составе второго посольства, проезжали через Великий Новгород, я однажды видел, как священник в одном кафтане или нижнем платье (верхнее, вероятно, им было заложено в кабаке) шатался по улицам. Когда он подошёл к моему помещению, он, по русскому обычаю, думал благословить стрельцов, стоявших на страже. Когда он протянул руку и захотел несколько наклониться, голова его отяжелела и он упал в грязь. Так как стрельцы опять подняли его, то он их все-таки благословил выпачканными в грязи пальцами. Подобные зрелища можно наблюдать ежедневно, и поэтому никто из русских им не удивляется.

З а п е в. Да уповае пропоица на корчме испити лохом, а иное и своему достанетца.

В три дня очистился еси до нага, якоже есть написано: пьяницы царствия Божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человеце, на руке мешают, ногавицы тяжело носить. портки на пиво меняешь; пьёшь с красой, а проспишься с позором, воротишь в густую, всякому велишь питьи, а завтреи и самому будет просити, проспишься — хватишься.

С т и х. И той избавит тя до нага от всего платья, пропил на кабаке с увечьем.

Три дни испил еси, безо всего имения стал еси, доспе мя еси похмельныя болезни и похмелья. На три дни купил еси, рукоделие заложил еси и около кабака часто ходил извыкл еси, и гледети прилежно ис чужих рук извыкл еси. Гледение лихое пуще прошения бывает.

С т и х. Хвалят пропоицу, как у него в руках видят.

Бубенная стукота созывает пьющих на шалное дуровство, велит нам нищеты ярем восприятию, глаголе винопицам: придите, возвеселимся, вмале сотворим с плечь возношение платью нашему, на вине пропивание, се бо нам свет приносит наготы, а гладу время приближается.

С т и х. Яко утвердися на кабаке птючи, голым г... сажу с полатей мести во веки.

Кто ли, пропився до нага, не помянет тебя, кабатче непотребнее? Како ли кто не воздохнёт: во многия времена собираемо богатство, а в един час всё погибе?

Каеты много, а воротить нельзя. Кто ли про тебя не молвит, кабаке непотребнее, да лишитца не мочи?

Слава и ныне сипавая с позоры.

Список литературы:

- Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию. М.: Ручич, 2003. (<http://www.vostlit.info>)
- Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Т. III. Приложения. Одесса: Типолитография Одесского военного округа. 1894. IV—VIII; 296; 89; I—XVI с.
- Былины* / Сост., вступ. ст. вводные тексты В.И. Калугина. М.: Современник, 1991. 767 с.
- Былины Севера*. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подготовка текста и комментарии А.М. Астаховой. М.; Л., 1951. 846 с.
- Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. (<http://www.vostlit.info>)
- Изборник 1076 года* / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1965. 1091 с.
- Канонические ответы митрополита Иоанна II (Иоана, митрополита руськаго, нариченнаго пророкомъ Христовымъ, написавшаго правила церковныя отъ святыхъ книгъ въ кратце Якову черноризьцю)* // РИБ. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI — XV вв.) СПб., 1906. Т. 6. Ч. 1. С. 1—20.
- О начале войн и смут в Московии*. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. (<http://www.vostlit.info>)
- ПВЛ (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова)* // БЛДР. Т. 1. XI — XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 62—315.
- Повесть о бражнике* // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 222 — 225.
- Поучение Владимира Мономаха* // БЛДР. Т. 1. XI — XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 456—475.

Поучение епископа Ильи (1155 г. марта 13. Поучение новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) // РИБ. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI — XV вв.) СПб., 1906. Т. 6. Ч. 1. Приложения. С. 348—374.

Поучение Моисея о безвременнемъ пьянстве // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 284—285.

Поучение философа, епископа белгородского. Поучения к простой чади // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 286 — 291.

Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси // От Корсуня до Калки. М., 1990.

Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of The Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. 395 с.

«Служба» кабаку // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 196—211.

Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976. С. 158 — 165.

Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976. С. 86—91.